

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Глава первая. Лейтенант гусар	9
Глава вторая. Европейский конфликт	70
Глава третья. Двадцатые годы	135
Глава четвертая. Одна перед континентом	223
Глава пятая. Время отступлений	276
Глава шестая. Между Вашингтоном и Москвой	325
Глава седьмая. Апогей военной дипломатии	387
Глава восьмая. Финал мировой войны	431
Глава девятая. Закат	474

ВВЕДЕНИЕ

Когда нация в кризисе, она должна обратиться к истории. Она должна увидеть свою судьбу узлом на огромном полотне исторического развития. Она должна учиться у тех, кто сумел преодолеть свой кризис.

В Лондоне, перед стенами Вестминстера стоит странный памятник главному герою британской истории двадцатого века. В грузной, покрашенной черной краской фигуре премьер-министра Уинстона Черчилля нет ничего от грации античных героев. Сгорбившийся старик, опершись на трость, мрачно смотрит на стены, внутри которых он своими речами некогда перехватывал дыхание слушателей. Скульптор справедливо решил, что Уинстон Черчилль не нуждается в приукрашивании, что бронзовая грация будет своего рода оскорблением характера человека, чья страстность и преданность стране была антиподом грациозному самолюбанию. Английский народ принял Черчилля именно таким: настоящим, а не декоративным, творцом национальной истории. Черчилль служил Англии так, как каждый должен служить своей стране — с умом, с трепетной страстью к национальной истории, и в то же время с холодным расчетом. И уж конечно без самозабвенного пренебрежения судьбой страны в пользу жалкого личного успеха. Только так он смог добиться непреходящей любви своей страны и уважения всего человечества. Его яркая жизнь не была позой или “тенденцией”, она была органической реализацией преданности национальной истории, ее лучшим стандартам. Эта жизненная позиция была органическим продолжением великой политической и гуманистической традиции Англии, естественным проявлением лояльности к согражданам и любви к отечественным святыням.

Герой данной книги — Уинстон Черчилль интересен для нас, прежде всего, как особый тип человека, воплотившего в себе родовые черты Запада, прежде всего его индивидуализм и неукротимое стремление к самореализации. Именно в Черчилле мир признал последнего великого политика того Запада, который подчинил своему влиянию весь мир, открыл человечеству бездонные возможности науки и сохранил сострадание, приведшее к социальным реформам. Британская аристократия выделила из своих рядов на изломе девятнадцатого и двадцатого веков Уинстона Черчилля как бы для оправдания своего доминирования на национальной сцене. Жизнь Черчилля — это, возможно, последний привлекательный блик великого индивидуализма, сформировавшегося в городах Северной Италии в порыве Ренессанса, закрепленного Реформацией и веком Просвещения.

щения, и угасающего в университетах Америки, почти готовой устами своих фуруологов признать переход мировой эстафеты в двадцать первом веке к коллективистской Восточной Азии.

Обращение к Черчиллю продиктовано также интересом к уникальной нации, тысячу лет жившей без угрозы национального уничтожения, особенному обществу, которое сумело на основе компромисса аккумулировать цивилизационный опыт, совместить традиции с изумительной способностью к новшествам. Задутые домны вокруг Бирмингема — рукотворное свидетельство начала мировой промышленной революции. Активным участием во всех трех индустриальных революциях небольшая страна сумела занять положение авангарда в материальном развитии человечества. Британия сумела показать миру достоинство преемственности, ведущей к уважению личности и поощрению творческого начала. Лишь англичане сумели реабилитировать слово консерватор, показав необходимость сохранения традиций и установлений, ценность опыта и пагубность его разрушения. Англичане встретили в двадцатом веке волну исторического отлива с мужеством и хладнокровием, которых так не хватает другим нациям.

Право Уинстона Черчилля на историческое почитание основывается на том, что, восприняв консервативные тенденции старой доброй Англии, он сумел провести государственный корабль своей страны через суровую историческую полосу, сохранив ее ценности, душевное здоровье и веру в себя. Полвека находясь на передовой линии политического бытия, Черчилль добился мирового признания как защитник лучших западных ценностей, как парламентский оратор, как исторический писатель и как политический лидер. Волею неумолимой судьбы жизнь Черчилля пришлось на время между пиком имперского влияния Британии и ее возвращением в Европу. Он помог своей стране сделать этот шаг без травм для национального самосознания.

Разумеется, он остро чувствовал отход своей страны от авангардных позиций в мире. В этом смысле он был истинный консерватор. Черчилль открыто говорил, что “утонченное время Людовика Четырнадцатого всегда предпочел бы современной эпохе “треска, жужжания, широко разинутых ртов и пожирающих глаз”. Он был уверен в том, что “несчастливая судьба будет преследовать тех, кто разрушает традиции прошлого.” Будучи премьер-министром, он твердо приказал именовать Иран Персией, Стамбул Константинополем, а Анкару Ангорой. Он всегда говорил о короле Генрихе Восьмом как о современнике и отказывался знать о таких странах как Камбоджа и Гватемала. Лучшим временем для него была викторианская эпоха. Никто не видел Черчилля в парламенте иначе как в сюртуке и шляпе. Когда Гарольд Ласки назвал Черчилля галантным и романтическим осколком империализма восемнадцатого века, тот ответил : “Мне нравится жить в прошлом. Я не думаю, что люди найдут много хорошего в будущем”. Главный противник Черчилля среди лейбористов — Этт-

ли сравнил его со слоеным пирогом: “Один слой определенно семнадцатого века. Восемнадцатый век в нем очевиден. Есть и девятнадцатое столетие, ну и большой кусок, конечно, двадцатого века; и вот что любопытно, есть слой, который, принадлежит, возможно, к двадцать первому веку”.

Человек, восхищавшийся прошлым, не только не был закрыт для новых идей, но постоянно их генерировал. Черчилль был создателем танка, одним из первых увидел значимость авиации, глубоко интересовался ракетами в 30-е годы, приказал разбрасывать алюминиевую фольгу, чтобы “слепить” радары немцев, предложил идею трубопровода по Атлантическим океаном, изобрел навигационный прибор для летчиков и предложил создать искусственные гавани при высадке союзников в Нормандии.

При этом речь идет об историке и писателе, издавшем пятьдесят шесть книг (сожалевшем только о том, что не осталось времени для биографий Юлия Цезаря и Наполеона), о самом оплачиваемом журналисте своего времени, о лауреате Нобелевской премии по литературе.

Черчилль не был известен одним каким-то деянием, одной кампанией, единственным достижением. Он не объединил Германию как Бисмарк и не спас страну от распада как Линкольн. Он был государственным деятелем иного склада, но без него Британии пришлось бы хуже в самое суровое время своей новой истории

Последний политик классической имперской эпохи, Уинстон Черчилль определял мужество как “сохранение достоинства под прессом неблагоприятных обстоятельств”. Ему пришлось в немалой степени демонстрировать это качество. Сэр Уинстон Черчилль не жаловался на отсутствие противостоящих обстоятельств. Девяносто лет его жизни знаменуют переход из одной эпохи в другую. Выйдя из эры дредноутов и “бремени белого человека”, Черчилль встретил мир атомного оружия, разделенный неистовой идеологической борьбой, мир национального самоутверждения, мир региональных интеграционных процессов не потеряв ясного мировидения, хладнокровия и самоуважения.

По мнению английского историка Р.Родса Джеймса, в лице Черчилля мы видим “одного из наиболее удивительных людей нового времени; и если Британской империи было суждено погибнуть, справедливо то, что на ее закате блеснул такой блик славы”.

Для англичан Уинстон Черчилль навсегда останется личностью, воплотившей суровой осенью 1940 года благородную общенациональную убежденность в том, что никогда бритт не будет рабом: “Мы будем сражаться повсюду, мы никогда не сдадимся”. Нами этот политик не может быть забыт хотя бы только потому, что 22 июня 1941 года он, единственный в мире среди глав крупнейших держав, объявил о союзе с нашей страной в час ее самого страшного национального испытания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЛЕЙТЕНАНТ ГУСАР

Амбиция — вот главная сила.

У.Черчилль, 1897

Столетие между июньским днем Ватерлоо и черным августом 1914 года представляет собой век британского всемогущества, редкое в истории явление внешней мощи и внутреннего мира — несмотря на внутринациональную поляризацию богатства и бедности. В эти дни английского морского и колониального всевластия страной правила узкая каста джентльменов — три тысячи землевладельцев с доходом не менее трех тысяч фунтов стерлингов в год. В то время, когда доход двадцати миллионов англичан был ниже 160 фунтов в год, сорок пять землевладельцев владели участками земли величиной более 100 тысяч акров каждый, пятнадцать аристократов имели доход 100 тысяч фунтов стерлингов в год.

Богатство в тот век не пряталось и не прибегало к ложной скромности. Не выделяться в обществе счастливым обладателям досуга и достатка было трудно даже внешне — скажем, в составе кабинета лорда Солсбери (1895 год) пятеро из шести ведущих министров были около двух метров ростом. Из девятнадцати членов кабинета семнадцать дожили до семидесяти лет, семеро пересекли восьмидесятилетнюю отметку, а двое отметили девяностолетие. И это в то время, когда средняя продолжительность жизни британца равнялась сорока четырем годам.

Аристократия Европы с завистью смотрела на островную элиту. Германские бароны стремились жениться на британских аристократах, во Франции весь бомонд собирался в “Жокей клубе”. Стиль и пристрастия англичан имитировались от моды до спорта. В Англии же наиболее популярным политическим “клубом” страны была палата общин, старейший в мире парламент. Менее одаренные (так полагал свет) шли в гвардию или в гусары, остальные отправлялись на флот или в церковную иерархию. Лишенные достатка аристократы имели выбор между юриспруденцией и журналистикой.

В палате общин 1895 года из 670 членов четыреста двадцать были свободными джентльменами, офицерами или юристами. Заработной платы законодатель, разумеется, не получал. На скамьях Вестминстера сидели представители самых знатных фамилий страны. Владельцев огромных замков хорошо знали: замок Бленхейм принадлежит герцогу Мальборо, замок Четворт — герцогу Девонширу, замок Уилтон — Эрлу Пемброку, замок Уорвик — Эрлам Уорвикам, Кнол — Сэквилсам, Хэтфилд — роду маркиза Солсбери.

Уинстон Черчилль по рождению принадлежал к этой аристократии, он появился на свет в тот исторический период, когда власть

денег еще не преодолела силу родовой гордости. У его отца лорда Рендольфа Черчилля было от рождения и то и другое. Верно, что состояние семьи таяло, но потомок герцога Мальборо имел в своей стране недоступные другим возможности. На гербе семьи Черчиллей значилось: "Верный, но невезучий". Уинстону Черчиллю с самого рождения предстояло опровергнуть вторую часть девиза.

Его отец и мать сочетались браком в 1874 году в здании британского посольства в Париже (в том здании, где герцог Веллингтон жил после Ватерлоо за шестьдесят лет до этого события). Тени двух величайших главнокомандующих британской истории — Мальборо и Веллингтона — стояли в начале пути величайшего британского политика военного времени.

День, когда лорд и леди Рендольф прибыли в родовой дворец Бленхейм был мрачным и дождливым. Жителям близлежащего городка Вудсток сообщили о прибытии четы лишь за день, но город успел вспыхнуть разноцветными флагами. Перед "Медвежьим отелем" мэр зачитал приветственный адрес с пожеланиями благополучия "благородному дому Черчиллей". Под звуки духового оркестра молодоженов внесли в один из величайших дворцов Европы.

Бленхейм был создан архитектором Ванбруком как монумент общенациональной благодарности первому герцогу Мальборо — генерал-капитану, победителю при Бленхейме, Рамилле, Уденарде, Мальплакете, пресекшему посягательство французского короля Людовика Четырнадцатого на гегемонию в Европе. Все отмечали "неудобства" огромного дворца для частной жизни (Вольтер, скажем, назвал это строение "грудой камней").

В памяти Черчилля отложились такие впечатления от Бленхейма: "Это был итальянский дворец в английском парке. Дворец строг в своей симметричности и завершенности... и все же здесь нет насильственно навязанного контраста, нет неожиданной разделяющей линии между первозданностью и свежестью парка, с одной стороны, и помпезности архитектуры, с другой... В Бленхейме я принял два очень важных решения: родиться и жениться. Мне повезло в обоих случаях". Чтобы развеять скуку леди Черчилль поехала кататься на пони, что подтолкнуло естественный процесс, и в понедельник 30 ноября 1894 года, на два месяца ранее ожидаемого срока, Уинстон Черчилль появился на свет.

Черчилль с гордостью писал: "Я дитя викторианской эпохи, когда структура нашей страны казалась надежной и крепкой, когда в торговле и на морях страна не встречала достойного соперничества, когда представления о величии империи и о нашем долге охранить это величие росли с каждым днем." Но после пика 70-х годов экономический рост страны замедлился и к концу века опустился до уровня 2 % в год, в то время как две страны — Соединенные Штаты Америки и Германия догнали "чемпиона девятнадцатого века".

Соблазн объяснить становление характера Уинстона Черчилля обстоятельствами его одинокого детства, жесткостью школы, уда-

ленностью родителей, достаточно велик, но его, видимо, следует избежать. Отстраненность от непосредственного воспитания детей была характерной чертой викторианской Англии, но не следует рисовать в случае с Уинстоном картины злосчастных диккенсовских приютов. Он учился в частных школах, приготавливаемый родителями и обществом, чтобы занять высокое положение. Его поролли в школе Сент-Джордж как и других, но наказание следовало лишь за преступлением. А Уинстон, если судить по школьным отзывам, был “жаден в еде”, хорош лишь в истории и географии, склонен к шалостям любого рода. Леди Рендольф Черчилль, рожденная в Америке, но серьезно воспринявшая новые для нее британские нравы, манеры и обычаи, пошла по проторенной тропе тогдашнего воспитания детей аристократии — передоверении своих обязанностей няне. Няни в аристократических семьях (в семье Черчиллей ее звали миссис Элизабет Эверест) ухаживали за детьми с самого раннего возраста и оставались практически членами семьи до юношеского возраста детей. В своем единственном романе Уинстон Черчилль так описывает няню: “Она ухаживала за ним с самого рождения с самоотверженностью и лаской, не знавшими предела. Странная вещь, любовь этих женщин. Возможно, это единственная бескорыстная привязанность в этом мире. Мать любит свое дитя — такова ее материнская природа. Юноша любит возлюбленную — это тоже может быть объяснено. Собака любит хозяина, тот кормит ее; мужчина любит друга, он стоял рядом в момент сомнений. Во всех этих случаях есть рациональное объяснение; но любовь приемной матери к своей обязанности кажется абсолютно иррациональной. Это одно из немногих доказательств, сложно объяснимых ассоциативным мышлением, того, что природа человечности выше простого утилитаризма, и того, что можно надеяться на благоприятную судьбу”.

Отец относился к Уинстону с традиционной для британской аристократии сознательной холодностью. Родственники рассказывают, что в семье Черчиллей вообще прохладно относились к детям. В викторианскую эпоху полагалось, чтобы детей не было видно и, желательно, не было слышно. Самым наглядным примером отчуждения матери и сына было отношение королевы Виктории к принцу Эдуарду, будущему королю.

Даже первые впечатления Уинстона Черчилля связаны с судьбой империи — он жил в имении наместника Ирландии, своего деда. С пятилетнего возраста Черчилль воспринял мнение соседей-ирландцев, что сама жизнь, ее течение важнее формы. Аристократические забавы — охота и балы — тоже часть его детских воспоминаний. Воспитание и система образования закрепили генетический код героя нашего повествования. Ему с детства как бы вменялось в обязанность хранить исторические завоевания предков, крепить мощь Британии среди бурного моря “пришедшей в движение” истории.

В книге “Моя ранняя жизнь” Черчилль повествует о событиях, имевших место, когда ему было всего шесть лет. “В 1880 году нас

вышвырнул из правительства мистер Гладстон. Гладстон был очень опасным политиком, который начал возбуждать население, доводя его до состояния неистовства. В результате народ голосовал против консерваторов и тем самым лишил моего деда места лорда-управителя Ирландии”.

Первый учительский упрек в адрес восьмилетнего Уинстона — “противостояние авторитетам”. Черчилль мог бы сделать эту скромную запись символом своей напряженной жизни, в которой было все, кроме почитания авторитетов. Редкие свидетельства его ранних лет говорят об одиноком по натуре мальчике, упорном в отстаивании своей независимости, не связанного узами тесной привязанности к родителям, оставившим его на попечение воспитателей.

В школе “Сен-Джордж” условия учебы были спартанские: восемь часов уроков ежедневно, за ними следовала игра в футбол и крикет. Ребенка из аристократической семьи пороли как и всякого другого. Уинстон преуспел в истории, но был совершенно глух к латинским глаголам. “Там, где дело не задевало мой ум, воображение или интерес, я не мог выучить ничего. Мои учителя считали меня одновременно и отсталым и скороспелым, читающим книги не по годам и в то же время карабкающимся где-то на дне. У них было много способов принуждения, но и я был упорным.”

При этом в таблице Черчилля была запись: “Не совсем понимает значения упорной работы”. Всей своей жизнью Черчилль опроверг это суждение. Уинстона однажды высекли за взятый сахар. Ответом потерпевшего было тайное уничтожение шляпы учителя. Но домой Уинстон Черчилль неизменно писал о том, как он счастлив в школе. Молодой джентльмен не имел права жаловаться.

1881 год был годом, когда родители Черчилля бросились в бой на высшей политической арене своей страны. Рендольф и Дженни Черчилль словно пришли к заключению, что от успеха в политике зависит все остальное — самоуважение, положение в обществе, да и сама судьба их супружества. Обладая литературным талантом, Дженни помогала мужу писать речи, которые день ото дня становились все более яркими. Произошла метаморфоза: покорный заднекамечник, повинующийся партийным решениям, вдруг стал уверенным в себе, агрессивным, пренебрегающим опасностями. Дилетант неожиданно быстро вырос в национального политика первой величины. Теперь все признали его ум, убийственную иронию, силу суждения, способность обаяния.

Сэр Рэндольф называл правительство Гладстона не иначе как “дети революции, грабители церковей, друзья беззакония”. Но при всем этом британский парламент мало напоминал русский. Дженни вспоминает: “Я была в палате общин, присутствуя при яростной атаке Рендольфа на Гладстона, который отвечал с равным жаром и возмущением. Часом позже мы с Рендольфом спешили домой, чтобы приготовить к обеду с лордом и леди Спенсер. Я натолкнулась на мистера Гладстона, который сразу же подошел ко мне и сказал:

”Я надеюсь, что лорд Рендольф не слишком устал для предстоящего приема”. Политических противников Гладстон пригласил к себе домой с равным великодушием, как и друзей. Все стремились быть джентльменами по Гладстону: обязательными в работе, анонимами в благотворительности, регулярными посетителями церкви по воскресеньям. И, имитируя Гладстона, хозяева приемов читали гостям Шекспира и Маколея.

Среди друзей Рендольфа Черчилля выделялся молодой Артур Бальфур, которому предстояло стать членом парламента в двадцать шесть лет (как и Рендольф Черчилль). Бальфура называли “лучшим умом своего поколения”. Огромного роста, он едва помещался на парламентской скамье. В семье Черчиллей Артур Бальфур в четыре руки играл с Дженни Черчилль Бетховена и Шумана. Подлинный же лучший ум своего поколения беззаботно сидел рядом.

Еще одним приятелем сэра Рендольфа стал Джордж Керзон, его однокашник по Оксфорду — также человека чрезвычайно высокого роста. Биописатель своего времени — Марго Асквит назвала его “замечательной интеллигентной личностью в этом исключительном по достоинствам поколении”. Другие же отмечали его высокомерие и тщеславие. Пройдет время и Уинстон Черчилль будет жить в мире “декларации Бальфура” (о создании Палестины) и “линии Керзона” (границы между Россией и Польшей).

Возможно наиболее талантливым из молодых противников Рендольфа Черчилля был Джозеф Чемберлен, который, начиная с нуля, стал к тридцати годам миллионером и покинул бизнес ради политики. Прославившись реформаторством на посту мэра Бирмингема, он вступил под своды Вестминстера в сорок лет. Внешне улыбчивый, но обладающий хладнокровным и твердым характером, Джозеф Чемберлен имел и “тайное оружие” — сына Невилля Чемберлена, прямого предшественника премьера Уинстона Черчилля.

К десяти годам Уинстон стал жадным читателем всех попадавших под руку газет. Его интересует захват бельгийцами Конго, демонстрация рабочих в Чикаго, сооружение статуи Свободы на рейде Нью-Йорка, изобретение Даймлером автомобиля. И, разумеется, “Копи царя Соломона” привели его в восторг, усиленный последующей встречей с писателем Райдером Хаггардом. Он стоял в толпе, приветствующей королеву Викторию на золотом юбилее ее правления, а затем мать и принц Уэльский взяли его на королевскую яхту, где ему пришлось познакомиться с еще одним будущим королем — Георгом Пятым.

Лорд Рендольф однажды зашел в детскую и долго наблюдал за игрой сына с огромным числом оловянных солдатиков. Он спросил сына, не желает ли тот поступить в армию. “Я думал, что было бы превосходно командовать в армии и я сказал “да” сразу же. Меня тот час же взяли на слово. В течении многих лет я думал, что мой отец, с его опытом и даром распознавания, нашел во мне военного гения. Как позже мне сказали, он пришел к заключению, что я недостаточно умен для адвокатской деятельности”.

Примерно в это время Уинстон впервые попал в дом простого английского служащего, который прочитал ему несколько абзацев “Истории Англии” Маколея, и эта проза вызвала у слушателя такое изумление, что он долго не мог ничего вымолвить. Примечательны цитаты, которые чуть позже выписывал десятилетний Черчилль из Маколея: “Рано или поздно, смерть неизбежно приходит к каждому. И может ли быть лучше смерть, если она приходит перед лицом огромных препятствий, за прах отцов, за храмы своих богов?”

Природа не наделила Черчилля крепким здоровьем: “Моим проклятием является слабое тело и я едва могу выдержать напряжение дня”. Подростком он стремился превозмочь физические ограничения — к примеру, прыгнул с моста трехметровой высоты и пролежал без сознания трое суток, всю жизнь его мучили простуды и воспаление легких, но нигде не найти у этого не знающего передышки оратора, обсуждавшего все мыслимые темы, жалоб на свое здоровье. (Черчилль всегда считал доблестью идти против течения. Когда в самолете зажигалась надпись не курить, он немедленно зажигал сигару. Когда он вел автомобиль, то ехал только по крайней скоростной полосе. Даже после второй мировой войны, пережив инфаркт, три тяжелых воспаления легких, два инсульта и перенеся две операции, Черчилль продолжал есть, пить, курить без ограничений. Ему хотелось оставить о себе память как о Питте, нормой которого были две бутылки вина в день. Жить на пределе. Жить, а не существовать).

Школа Харроу, избранная для продолжения образования Уинстона, в общественном мнении уступала лишь Итону. Для “слабой груди” Уинстона, полагал сэр Рендольф, расположенный на высоком холме Харроу будет наиболее подходящим местом. Другим фактором в пользу Харроу было то, что среди членов палаты общин было пятьдесят шесть его выпускников. Пусть сын с детства лично знает тех, кому предстоит управлять страной.

Как уже говорилось, в те времена перед отпрыском известной фамилии стояли три пути: церковь, адвокатура, армия. Первые два требовали убедительно продемонстрированных способностей в классических науках — именно это у Уинстона отсутствовало. Приступив к латинскому языку в восемь лет, он далеко не продвинулся. В нем был величайший, с точки зрения учителей, грех — отсутствие дисциплины как основы академического ума. Его отношение к французскому языку и математике граничило с полным безразличием. Обладателю полутора тысяч оловянных солдатиков интересны были военные игры. Учитывая этот интерес, по достижении пятнадцати лет было решено готовить Уинстона к поступлению в Королевскую военную академию в Сандхерсте. Исходя из этой перспективы, молодой Черчилль вступил в особый военный класс Харроу.

Один из выпускников Харроу описывает его как “одинокого мальчика, обычно бродящего без компании, но известного всей школе”. Его индивидуализм был ярко выражен в эти годы становления личности. Уинстон не любил групповых игр, ему больше нрави-

лось плавание. Именно в бассейне Харроу Уинстон столкнул в воду Леопольда Эмери, с которым его сравнивали по талантам сорок пять лет спустя. Он много лет спустя рассказывал лорду Морану, что “все началось в Харроу”, где, скрывая отставание в латинском, Черчилль просил сделать переводы старших мальчиков. “Зато я открыл, что могу делать то, чего другие не могут - могу хорошо писать”. Уинстон Черчилль никогда не считал детство золотым периодом своей жизни. Напротив, “это был пустынный период моей жизни, время дискомфорта, ограничений и бессмысленной монотонности”.

В эти годы Черчилль открыл в себе неподражаемую память. В тринадцатилетнем возрасте он запомнил более тысячи строк “Римской истории” Маколея, и никогда уже не забывал. В старости он цитировал стихи, выученные в десятилетнем возрасте. После инсульта 1953 года он процитировал своему доктору, следящему за текстом, стихи Лонгфелло, заученные пятьдесят лет назад. Память станет его самым надежным рабочим инструментом. В пятидесятые годы нашего века он попросил сэра Дэвида Ханта найти точную цитату из Аристофана о том, что “качества, необходимые для написания трагедии и комедии одинаковы, гений трагик должен быть также гением комизма.” Хант подумал, что искать нужно у Платона, что “огни у Черчилля начинают затухать”, и ночью обратился к справочнику. К своему изумлению он обнаружил в знаменитом диалоге “Симпозиум” вымышленный диалог Платона с Аристофаном, которому и принадлежали упомянутые слова. Пораженный Хант спросил Черчилля, когда тот в последний раз читал этот диалог и получил ответ — в 1896 году, в возрасте двадцати двух лет.

Своеобразное психологическое притяжение политической борьбы “инфицировало” Уинстона в 1885-1886 годах, когда его отец принимал участие в решающих для себя выборах, когда его мать полностью отдала себя предвыборной кампании, и даже бабушка (вдовствующая герцогиня Мальборо) не чуралась вести пропаганду. Сэр Рендольф победил, но его партия проиграла, перейдя в оппозицию. “Что вы будете делать далее?” — типичный вопрос молодому политику. “Я буду лидером оппозиции в течение пяти лет, а затем стану на следующее пятилетие премьер-министром. Потом я умру”. Типичный черчиллевский вызов, воспринятый Уинстоном сполна.

Следующие выборы 1886 года принесли триумф союзу консерваторов с юнионистами (сторонниками союза с Ирландией). Лорд Солсбери стал премьер-министром, а сорокапятилетний Рендольф Черчилль — министром финансов и лидером палаты общин. Рендольф Черчилль выступал за реформы дома и оборонительные меры в империи — он ставил на первое место финансовое могущество страны. Но Солсбери не доверял амбициозному министру, как не доверял он массам, облагодетельствовать которые желал реформатор. Прибегнув к политическому блефу, лорд Рендольф предложил свою отставку, и Солсбери неожиданно принял ее. Карьера министра прервалась на полном ходу, он никогда уже не получил

шанса, на который мог рассчитывать благодаря своим талантам и связям. Лорд Рендольф до конца своих дней остался “обиженным” британской политической сцены. Возможно менее всего сэр Рендольф в дни своего отчаяния думал о сыне, который издалека наблюдал за взлетом и падением отца. (Уинстон заучивал речи отца в парламенте наизусть). После 1886 года сэр Рендольф находится во власти смертельной болезни и уходит с небосклона общественной жизни. Печать этой семейной драмы отложила на Уинстоне Черчилле, у которого появился своего рода “синдром обиды”.

В школе Харроу низкая оценка способностей Уинстона Черчилля определила специализацию. Отвращение к математике исключило возможность поступления в артиллерию и инженерные войска. Восемнадцатилетний Уинстон Черчилль стал кадетом-кавалеристом королевского военного училища в Сандхерсте. Он ожидал поощрительных комментариев отца, но тот, будучи уже серьезно болен, лишь упрекнул сына за “глупость и постоянные поражения”. Мать порицает его за неразумные траты — но Черчилль всегда жил как и большинство его родственников — не особенно задумываясь о долговой яме. Матери он пишет: “Нет сомнения, что мы одинаковы бездумны в тратах и экстравагантностях... Оба мы знаем, что хорошо и желаем иметь это. Мысли о плате оставляются на будущее”.

Между тем даже ранние письма Уинстона Черчилля определенно удивляют полетом мысли. На одном дыхании в них говорится о гимнастических упражнениях, выученном наизусть отрывке из “Утежненного рая” Мильтона, интересной лекции по астрономии, обсуждается вопрос о том, как научиться хорошо плавать, высказывается желание играть на виолончели и в конце (коротко) о неудачах. При этом мать и отец были в высшей степени критичны, буквально “уничтожая” своего сына за убожество словарного запаса, тупость выражений, отсутствия элегантности в прозе. Упрек относился к одиннадцатилетнему школьнику.

В военное училище Сандхерст поступали дети только высшего класса. Примечательной была суровость, с какой правящая Англия готовила к жизненному пути свою элиту. Занятия начинались в шесть сорок пять утра и продолжались, с перерывами на завтрак и ланч, до четырех часов пополудни. Главные предметы: чтение карт, тактика, военная администрация, юриспруденция, копание окопов, стрельба, гимнастика, марширование, езда верхом. После четырех часов можно было заниматься спортом, бродить по живописным окрестностям, заниматься самообразованием. Строго в одиннадцать били отбой. При всей своей жесткости система так и не сломала Черчилля. И в военной казарме — и на всем жизненном пути — он не любил дисциплину, и в этом смысле слава беспрекословных спартанцев никогда не привлекала его.

Черчилль завершил экзамен в Сандхерсте двенадцатым из 150 детей. Его лучшие оценки приходятся на конную езду, что и определило поступление в 4-й полк гусар, где главным занятием были воен-

ные упражнения. Это вело (пишет Черчилль) к “умственной стагнации”, что, может быть, соответствовало духу армии, но не Уинстона Черчилля. Этим объясняется его решимость начать систематическое чтение лучших книг по истории и экономике. Первыми в его списке были “Политическая экономия” Г.Фосетти, “Упадок и падение Римской империи” Гиббона, “Европейская мораль” Леки.

Тем временем паралич свел Рендольфа Черчилля 25 января 1895 года в могилу, он был похоронен на кладбище в Блейдоне, откуда виден дворец Блейнхейм, где двадцать лет назад родился Уинстон Черчилль. Опорой в жизни для Уинстона Черчилля стала мать. Ее экстравагантность была известна всему лондонскому свету. Но в свете обрушившихся на нее материальных трудностей она с трудом могла помогать сыну.

* * *

В середине 90-х годов прошлого века набат истории ударил по британской аристократии. На Олимп политики начала восходить буржуазия. Теперь дворянское звание можно было купить за деньги. С противоположного берега Атлантики Эмерсон с грустью писал об Англии: “Не существует страны, где более поклонялись бы богатству”. Будущий премьер Г.Асквит попытался облагородить образ своей страны: “Несправедливо говорить, что все здесь следуют лишь материализму и накоплению богатств”. Лидер восходящей партии либералов говорил о системе производства, которая губит вторую — бедную Англию. При невероятных богатствах, накопленных Лондоном, ее неоспоримом морском всемогуществе и главенстве в мировой торговле система эксплуатации заставляла усомниться в английском гуманизме. Рабочий в богатейшем городе мира получал пару десятков фунтов стерлингов в год. Закон позволял женщинам работать три ночные смены при шестидневной рабочей неделе. Детская смертность в непревзойденном индустриальном Бирмингеме составляла почти сто жизней на тысячу родившихся. Более двенадцати миллионов англичан (из общего населения в 45 миллионов человек) жили на грани хронического голода.

И на противоположном полюсе горели возбуждением. То был золотой век предпринимательства, когда средний класс, буржуазия Британии быстро набирала силу. Эта сила волей-неволей обращалась против символа респектабельности и стабильности — викторианского века с его частными школами, профессиональной системой управления и устоявшимися политическими партиями, определившими правила игры в Вестминстере (где британский парламент служил моделью для мировой политической науки). Старая викторианская Англия уходила вместе со своим последним “классическим” политиком Гладстоном, пребывавшим на политической сцене более шестидесяти лет. Тех самых лет британского всемогущества, которым уже не было возврата. Королева Виктория нашла Гладстону весьма характерного преемника, символизирующего новую эпо-

ху — лорда Арчибальда Розбери, о котором хорошо его знавшая Марго Асквит сказала: “Я думаю, что лорд Розбери имел бы более крепкую нервную систему, если бы не был так богат”. Сам Розбери однажды признался, что в жизни у него были три великих желания : жениться на богатой наследнице, выиграть скачки в Дерби и стать премьер-министром. Он женился не просто на богатой наследнице, а на наследнице Ротшильдов. Его лошадь не просто взяла первый приз Дерби, а сделала это три раза. Что касается премьерства, то он достиг его не приложив никаких стараний: он понравился королеве Виктории и ее никто не сумел переубедить.

Розбери был на свой лад философом: “Существует лишь две высшие радости в жизни, — сказал он, — Одна идеальная, другая реальная. Идеальную радость человек испытывает когда получает от своего суверена высшую правительственную должность. Реальная радость охватывает его тогда, когда он отказывается от этой должности”. Приход Розбери к власти многое означал для оставшейся вдовой леди Дженни Черчилль и ее сыновей. Леди знала Арчибальда Розбери много лет и у них были совпадающие взгляды на политику и литературу. Оба скептически воспринимали традиции и с легкостью воспринимали новое. Скажем, Дженни Черчилль была первой в Лондоне, устроившей у себя дома электрическое освещение. Но знакомство с премьером было не самым большим общественным активом вдовы лорда Рендольфа. Таковым можно считать близкое знакомство с наследником престола Эдуардом — принцем Уэльским, которому в 1895 году было пятьдесят четыре года и которого зная Европы называла “профессиональным любовником”. Принц Эдуард не отличался глубоким интеллектом, но он умел ценить ум других и в число этих других входила американка Дженни Черчилль. Если принц собирался созвать званый вечер, то список гостей часто составляла Дженни, знавшая его друзей, пристрастия, вкусы — музыкальные, гастрономические и прочие.

Именно в эти годы Дженни Черчилль становится наставником, поверителем тайн и доверенным лицом своего сына. Позднее Черчилль писал об этой дружбе: “Моя мать всегда протягивала мне руку помощи и совета... Она вскоре стала моим ревностным союзником, обсуждая мои планы и защищая мои интересы со всем ее влиянием и безграничной энергией... Мы работали вместе скорее как брат и сестра, чем как мать и сын. По меньшей мере, так казалось мне. И так продолжалось до конца”. Вплоть до своей смерти Черчилль хранил на письменном столе бронзовый слепок руки матери. Нет сомнения, что леди Черчилль стала определяющим фактором развития и становления своего сына. Она не только наставляла его со всем свойственным ей умом, мужеством и энергией, но постоянно формировала его характер посредством дискуссий, переписки, обмена мнениями, дружеской ориентацией. Думая о будущем сына, она знакомила его с наиболее влиятельными фигурами эпохи, возбуждая в нем амбиции, столь свойственные его отцу, но им не осуществленные.